

АННА ДАНИЛОВА

П С И Х О Л О Г И Ч Е С К И Й д е т е к т и в



Любовь насмерть

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Любовь насмерть

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А.

Любовь насмерть / А. Данилова — «Автор», 2018 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-04-096947-0

В тихом поселке, где живут писатели и художники, убиты доктор Макс Селиванов и никому незнакомая девушка. Главный подозреваемый в убийстве – сценарист и владелец местного бара Марк. Именно он якобы обнаружил трупы. И только он знает, что на самом деле их нашла Ольга, которая два года тайно жила у доктора, а в ночь убийства прибежала прятаться к Марку.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096947-0

© Данилова А., 2018
© Автор, 2018

Содержание

1	6
2	14
3	18
4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Васильевна Данилова

Любовь насмерть

© Данилова А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

1

Она появилась перед дверями моего бара примерно в половине первого ночи. Я уже закрылся после того, как ушел последний посетитель, скучный и неразговорчивый писатель Аркаша Ванин, и начал прибираться, поднял уже несколько стульев на столики и стал протирать полы.

Она стучала в стеклянную дверь, зеленую от подсвеченной фонарем листвы моего сада, стучала едва слышно, редкими осторожными ударами, и я даже не сразу расслышал. В баре довольно громко звучала музыка, и я, орудуя шваброй, напевал себе что-то под нос.

Когда же я все-таки понял, что стучат, подошел к двери и увидел бледно-зеленое лицо девушки, словно оживший кадр фильма про десять негритят, – мне показалось, что голова ее покрыта тиной.

Я распахнул дверь, и первое, что мне бросилось в глаза, – это залитая кровью белая рубашка незнакомки и невероятно бледное лицо. Она была страшно напугана. Откуда она взялась в нашем поселке, что здесь делает? Ясно было, что с ней случилась беда. Я схватил ее за руку и втащил в бар, поскольку вполне мог допустить, что она либо ранена, либо ее кто-то преследует. И запер за нею дверь.

– Что с вами случилось, сударыня? – спросил я, пытаюсь определить источник крови и вообще ее физическое состояние.

– Мне надо спрятаться.

– Да это понятно. Считайте, что уже спрятались.

Я взял ее за руку, причем скорее для того, чтобы удостовериться, что она не призрак, а вполне себе реальная девушка. Нет, я, конечно, не верю в призраки, но кто знает на самом деле, существуют они или нет. Я все-таки склонен думать, что мы ничего о потустороннем мире не знаем. Если бы их не было, то с чего бы все о них говорили, писали. И вообще я увлекся.

Девушка была живая, реальная, но очень холодная. Просто замерзла. А еще у нее зубы стучали. Вот этот звук я слышал отчетливо. Нервы, ночной холод.

Я усадил ее за столик, предварительно опустив стулья, принес ей стакан с виски, придвинул молча к ней – пусть сама решает, выпить или нет.

Она взяла тонкой бледной рукой стакан и поднесла ко рту. Зажмурившись, выпила.

У нее были длинные каштановые волосы, узкое белое лицо и большие темные глаза. Понятное дело, что волосы были растрепаны, она явно бежала, да и ночная рубашка ее была снизу бурая от грязи и травы. На ногах у нее были смешные цветные калоши, какие носят садовницы. Я знаю многих жителей нашего писательского поселка, но эту девушку ни разу не видел. Скорее всего, она приехала к кому-то в гости. Возможно, этот «кто-то» ее обидел. Так подумал я, потому что ничего другого мне в голову тогда не пришло. Наш поселок небольшой, часть его расположена на ровной местности и очень хорошо проглядывается, и там живут в основном «аборигены», как я их называю, то есть коренные жители, преимущественно фермеры, да работники железной дороги. Писательская же братия и художники проживают в лесистой части, можно сказать, в лесу. Высокие ели едва скрывают один коттедж от другого. Но поскольку мой дом находится тоже в лесу, и бар я открыл, чтобы поить и кормить своих прозаиков и поэтов, потому что «аборигены» пьют водку в маленьком ресторанчике на берегу озера, а это далеко от нас, то я и решил, что эта девушка все-таки имеет отношение к «нашим».

– Что с вами случилось?

– Доктора убили, – сказала она, уставившись в одну точку.

– Доктора Селиванова? – В последнее время я общался лишь с одним доктором, он был постоянным посетителем бара, и я очень ему симпатизировал. При слове «доктор» я представил себе именно его лицо – милое, бородатое, с лучистыми веселыми глазами. – Макса, что ли?

– Да, – сказала она, поджав губы.

– Когда?

– Думаю, примерно час тому назад. Я уже легла, как вдруг услышала какие-то голоса, крик... Точнее, все не так. Сначала я услышала шум, крик, затем звук, похожий на выстрел. Затем еще один. Это потом уже более отчетливо услышала крик... женский... Или же одновременно, я не могу точно сказать... Потом закричал Макс... Я выглянула в окно, там горел фонарь, мощный такой фонарь, и я увидела там, на дороге, ведущей к дому, какое-то белое пятно. Я вышла на крыльцо и позвала Макса, но он не отвечал. Тогда я пошла к этому пятну. Это была девушка в белом свитере и джинсах. Совсем молодая. Она лежала на обочине дороги, в траве. Ее убили выстрелом в сердце, там вот такое красное пятно на свитере. А рядом, я потом уже заметила, лежал Макс. И он тоже не дышал. Его тоже убили.

– Но я ничего не слышал. Дом доктора Селиванова не так далеко от меня. – Я очень хотел, чтобы доктор был жив. Пусть лучше девушка окажется сумасшедшей.

– Это как в кино. – Она подняла на меня глаза с расширенными зрачками и усмехнулась, как бы понимая, что я не желаю ей верить. – Возможно, днем я бы и не услышала его, но ночью он прозвучал особенно четко. Я же проснулась.

Она сделала еще один глоток виски и откинулась на спинку стула.

– Если вы не можете мне, то меня арестуют, решат, будто это я его убила.

– А вы кто?

– Да в том-то и дело, что я – никто. И это продолжается уже два года.

Я ничего не понимал.

– Назовите хотя бы свое имя.

– Оля.

– Давайте поступим так. Я отведу вас сейчас в комнату и уложу в постель. А утром, когда вы проснетесь и окончательно придете в себя, мы и поговорим.

– Вы не сдадите меня? Я же никого не убивала. – Голос ее поплыл от слез. Ей так хотелось верить.

– Нет, не сдам. Не выдам.

– Вы можете сами пойти туда и убедиться, что я не сумасшедшая, что не придумала все это. Или что мне это не приснилось. Ну и вызовите полицию, что же делать?

Она встала и, запрокинув голову, словно для того, чтобы виски точно попало в горло, допила его. Вздохнула.

– Я дам вам и одежду. Свою рубашку или пижаму, что хотите.

– Да мне как-то все равно. Просто холодно.

Ее одежду, выпачканную в крови, я сжег в камине.

Я дал ей свой свитер и уложил наверху, в маленькой спальне, которую использовал как комнату для гостей. Она, как ребенок, молча подчинилась, легла, закрыв глаза и подложив под щеку ладони. Я выключил лампу, вышел из спальни и подумал, что и эта сцена могла бы быть фрагментом моего сна. Однако, спустившись в бар, я взял фонарь и вышел из дома, отправился в сторону дома доктора Селиванова. Макс Селиванов, доктор-терапевт, купил коттедж в нашем поселке у одного спившегося нашего товарища Миши Аронова, своего приятеля, за сущие копейки и был счастлив от покупки. Сначала он наведывался сюда лишь на выходные, а после, выгодно вложив свои деньги в какой-то строительный проект, позволил себе в свои пятьдесят с хвостиком бросить практику и всерьез увлечься живописью, в связи с чем окончательно переехал в поселок. Встретили его у нас почти с нежностью – да и как не радоваться, если под боком теперь был человек, который в любую минуту мог спасти от запоя, извлечь занозу, промыть желудок, дать таблетки или микстуру от кашля, перевязать рану или просто выпить за компанию. Доктор Селиванов был спокойным улыбчивым человеком, вполне себе довольным жизнью, и производил очень приятное впечатление. Поговаривали, что у него в

Москве осталась квартира, которую он сдавал каким-то американским журналистам, и молодая любовница, к которой он время от времени ездил. Но в мой бар он приходил неизменно один, садился возле кадки с пальмой и заказывал либо водку с малосольной селедкой, либо виски, к которому я неизменно подавал ему блюдо с засахаренным лимоном. Он был очень милым, приятным человеком, любил живопись и часами пропадал в мастерских наших художников, завел себе друзей, работами которых искренне восхищался, подружился с натурщицами. Свои же работы показывал редко и ужасно стеснялся, когда его хвалили. Он осваивал венецианскую акварельную технику и время от времени, когда мы оставались с ним вдвоем, рассказывал, какое удовольствие он получает, глядя, как умно и красиво растекается вода, как ему удается получать нежные цветочные растяжки.

И поэтому, когда я шагнул по аллее между мерцающими малиновым блеском еловыми стволами, уходящими верхушками к мглистому зеленовато-синему небу, по направлению к его дому, мне не верилось, что его больше нет в живых. Я почему-то был уверен, что, постучавшись к нему, тотчас услышу шаги за дверью, а потом и увижу его пусть и заспанное, но все равно милое, подсвеченное радостью лицо.

Рядом с каждым коттеджем, а их было пятнадцать, горели мощные фонари, и лишь небольшие участки аллей оказывались в полной темноте. Я шел, вдыхая сырой лесной запах и чувствуя себя совсем маленьким среди высоченных елей. Почему-то подумалось тогда, что жизнь наша чрезвычайно хрупка. Что у нас нет ни плотной чешуйчатой кожи, которая могла бы нас защитить от холода и ран, ни мощных когтей, ни клыков. Удивительно, как мы вообще доживаем до старости.

Оставалось примерно метров двадцать до освещенного домика доктора, когда я увидел светлое пятно на аллее. Остановился. Не хотелось дальше идти.

...Девушка в белом свитере с большим пятном крови в области сердца действительно реально существовала. Она была мертва и лежала на обочине аллеи. И неподалеку от нее я нашел тело доктора Селиванова. Признаюсь, я даже ущипнул себя, все еще не веря, что это происходит в действительности. Уж слишком тихо и мирно мы все в этом поселке жили и особых тревог не испытывали. Как-то так случилось, что здесь собрались исключительно зрелые люди, в основной своей массе состоявшиеся, признанные. Во всяком случае, все неплохо продавали свои картины и романы, и денег хватало иногда не на одну, а на две семьи (над этой мужской особенностью мы сами часто подшучивали). Конечно, у каждого имелись проблемы, время от времени уходили из жизни близкие люди, но все это воспринималось как естественное движение жизни, его логический итог.

А вот убийство Селиванова – это противоестественная смерть. Это трагедия, о которой, я был в этом уверен, еще долго будут говорить.

Подумал ли я тогда, что меня самого могут обвинить в убийстве доктора? Конечно же, нет. Однако перед тем, как позвонить в полицию, я спросил сам себя, как я объясню тот факт, что нашел здесь трупы? Что сам-то я делал в такую пору возле его дома? Просто прогуливался? Именно по той аллее, где и было совершено убийство? Нет, надо было подумать.

...Полицейские приехали через сорок минут. К этому времени я уже собрал вокруг места преступления всех соседей, я не мог им не позвонить. Все понимали, что к самому месту преступления приближаться нельзя. Кто в чем вышел из дома – в пижаме, в халате, в спортивных штанах, а кто и в старом пальто. И всем в эту летнюю ночь было холодно. И страшно. Никто не понимал, кто и за что мог убить хорошего человека. Никто не знал в лицо и убитую девушку, я, пока дожидаясь полиции, успел сделать снимок на телефон, чтобы потом показать, кому нужно.

– Следователь Ракитин. Что вы сами делали здесь в этот час? – спросил меня человек с заспанным лицом. От него несло перегаром.

– Шел к нему за снотворным, – солгал я довольно уверенно, потому что на прошлой неделе действительно никак не мог уснуть и примерно в это же время, закрыв бар, отправился к Селиванову за снотворным.

Я понимал, что меня будут допрашивать, как и всех остальных, кто жил рядом и был знаком с доктором. Но мне нечего было скрывать, я уже знал, что расскажу им я и что скажут о докторе другие. Он был прекрасным человеком, и кто и за что его мог убить – трудно даже предположить! Таких людей не убивают! Хотя, конечно, никто ничего не знал о его прошлом, где он работал, что делал. Может, совершил ошибку, и по его вине кто-то умер. Предполагать можно было сколько угодно.

Машин понаехало много, в лесу и вдоль аллеи поставили мощные прожекторы – искали орудие убийства, пистолет, но, судя по всему, ничего не нашли. Я видел, как эксперты делали слепок автомобильного следа, оставленного на обочине, но не особо-то верил, что он принадлежит машине убийцы.

Я внимательно рассматривал лица своих друзей и знакомых, поскольку вполне допускал, что кто-то из них лжет или просто недоговаривает. Может, и видел кто девушку, да не собирався признаваться в этом. И еще одно странное чувство охватило меня той ночью, когда я вдруг подумал, что я особенно-то хорошо никого из поселка и не знаю. Особой дружбы у меня ни с кем из них пока не сложилось, хотя в основном все посетители моего бара были людьми приятными и интересными. Но я принадлежу к тому числу индивидов, которые считают, что настоящая дружба все-таки проверяется временем, а не количеством выпитого в твоём присутствии алкоголя. Возможно, случаются и такие редкие случаи сближения людей за короткий срок, если они, предположим, попали в какую-то сложную ситуацию, где каждый показал себя настолько полно и так проявил себя с лучшей стороны, что этот случай просто не мог не вылиться в настоящую дружбу. Но что особенного могло случиться в моем баре, чтобы и со мной произошло такое? Об этом я подумал как раз той ночью, когда все мои приятели стояли в лесу в своих пижамах и халатах с растерянными физиономиями, потрясенные смертью одного из нас. О чем думал каждый, хотелось бы мне тогда знать. Мне стыдно признаться, но, глядя на них, я вполне себе допустил, что убийца, возможно, находится здесь же, рядом с нами, содрогаясь от холода и нервного озноба. И мысленно уже рисует тюремную решетку, которая отделит его благополучное и спокойное прошлое от страшного будущего. Но что, что же могло заставить этого человека убить нашего доктора? За что? Все, я полагаю, задавались точно таким же вопросом, и, вернувшись домой, каждый из нас продолжал думать об этом, недоумевать и испытывать неприятное чувство страха, предполагая, что на месте доктора, кто знает, мог бы оказаться один из нас. Что, если это просто маньяк, больной человек, одержимый какими-то своими странными идеями или желаниями, увидевший в докторе Селиванове смертельного врага? Но если так, то при чем здесь эта убитая девушка? Какое она имеет отношение к доктору?

Я вернулся к себе под утро, продрогший, уставший от бессмысленности всего того действия, которое мне пришлось пережить, отвечая на идиотские вопросы следователя. Я-то знал, что не убивал, а потому если поначалу отвечал вежливо и подробно, то потом уже и не скрывал своего раздражения. Но, с другой стороны, разве не чувствовал я угрызения совести, глядя на распростертое тело доктора, зная, что укрыл в своем доме девушку, которая, возможно, и убила его?! И да, безусловно, я боялся, что своим поведением как-то выдам свою нервозность и легкую панику. Мне вовсе не хотелось, чтобы я, помимо своей воли, оказался втянутым в это дело. Я и в лес-то перебрался несколько лет тому назад, чтобы жить спокойно и поскорее позабыть свои проблемы – развод, унижительный для нас с женой раздел имущества, ссору с сыном, настаивавшем на том, чтобы мы с женой помирились. Оставив им практически все, чем владел, я перебрался в лес, чтобы спокойно себе писать свои романы, сценарии, ну и как-то само собой получилось, что открыл этот бар. Возможно, я совершил этот дичайший и не

свойственный мне поступок, чтобы окончательно не одичать и иметь возможность общаться с людьми? Как-то почти бессознательно все это произошло, идея пришла во время одной жесткой попойки с моими писателями и художниками, так много народу набилось у художника Безобразова, так тесно было, кто-то посетовал, что такого вот бара не хватает...

...Моя гостья все еще спала. Я присел рядом с ней на постели, едва сдерживаясь, чтобы не прилечь рядом, не обнять. Красивая, нежная, спокойно спящая, она вызывала во мне желание. Даже, подумал я тогда, окажись она убийцей, я пожелал бы ее не меньше, если не больше. Я ничего тогда о ней не знал и не уверен был, хочу ли знать. Может, оставить ее у себя? Забрать в плен? Шантажировать ее тем, что она, скорее всего, каким-то образом все же причастна к убийству?

Она открыла глаза. И моментально все вспомнила. Не удивилась тому, что увидела меня, не испугалась, не стала озираться по сторонам, как это показывают в кино. Просто села на постели и задумалась.

– Кофе? – спросил я, разглядывая ее, такую теплую и еще немного сонную, в моем свитере и наполовину скрытую от моих глаз одеялом.

Она слабо улыбнулась.

Я отправился на кухню, сварил кофе. Она вошла неслышно, села за стол, я повернулся и заметил, что она умылась, на волосах ее надо лбом блестели капельки воды. Я смотрел на нее и спрашивал себя, о чем с ней говорить? Следует ли ей задать вопросы о докторе Селиванове? Или лучше подождать, когда она сама начнет говорить?

– Вам с сахаром?

– Да, и с молоком, если можно. Мы всегда с Максом пили кофе с молоком. – Она словно подталкивала меня к разговору о докторе.

– Я был там...

Она подняла на меня глаза, и они тотчас стали наполняться слезами.

– Это какое-то недоразумение, – прошептала она, давясь слезами. – Он не должен был так погибнуть. Это... Это просто чудовищно.

– Ольга, как вы там оказались? Кем приходился вам Макс?

– Мы были друзьями. Большими друзьями.

– Вы приехали к нему в гости?

– Нет... Я жила там... у него.

– А та девушка...

– Я совершенно ничего о ней не знаю. Говорю же, я спала, когда слышала голоса, шум, выстрелы, крики... Мы были с ним вдвоем. Как всегда.

– Ольга, вы поймите, мне не очень удобно задавать вам подобные вопросы, но вы же понимаете, что пока вы мне не расскажете всю правду, я не смогу вам помочь.

– Вы боитесь, что пригрели и спрятали у себя убийцу?

– Да ничего я не боюсь! – вскипел я. – Но...

– Я жила у него два года, – уже более эмоционально воскликнула она. – Понимаю, это звучит, как бред, но это чистая правда. Я на самом деле все эти два года жила здесь, пряталась у него. А теперь, получается, должна прятаться у вас.

– И что же с вами приключилось два года тому назад?

Я поставил перед ней большую чашку кофе с молоком.

– Возможно, я просто сошла тогда с ума... Думаю, что мне надо рассказать вам всю правду. И только лишь для того, чтобы вы поверили мне, что я любила Макса. Не как мужчину, вы поймите, а как человека. Он так много сделал для меня, он спас меня!

Она закрыла глаза руками и заплакала. Я ничего не понимал.

– У вас есть какие-нибудь родственники, близкие вам люди?

– Теперь нет. Еще вечером был, один. Сейчас его нет. И я совсем не знаю, что мне делать. И идти мне тоже некуда.

– Так что же с вами случилось два года тому назад?

– Знаете, такая банальная история... Вернее, так может показаться со стороны. Мне же тогда так не казалось. Я влюбилась. Смертельно влюбилась. В одного человека. А он...

Тяжело ей давался этот рассказ. Я чувствовал это.

– У него были светлые волосы, почти белые, до плеч. Он был так красив. А улыбка... Когда он улыбался, все вокруг смотрели на него, потому что просто невозможно было не смотреть. А у меня был муж. Думаю, что он и сейчас есть, да только, полагаю, он думает, что меня уже нет в живых. – Она как-то нехорошо, болезненно улыбнулась. – Все-таки прошло целых два года. Скорее всего, он искал меня, но сейчас уже не ищет. Он же понимает, что если бы я была жива, то позвонила бы. Но я-то не позвонила.

– Так что с тем блондином? – Я заранее уже заревновал ее к тому, кто наверняка причинил ей боль. Причем этот блондин затмил самое важное – наличие в ее жизни мужа!

– Кажется, он куда-то уехал. Мы были любовниками около месяца, и никогда еще я не была так счастлива.

– Вы ушли к нему от мужа?

– Да не то чтобы ушла, нет. Я продолжала жить с ним под одной крышей, и он все знал, понимал, даже жалел меня. Думаю, что тогда разум мой помутился, если он вообще когда-нибудь был. Я не знаю, что со мной случилось...

– Так муж знал? – До меня тогда только начало доходить. – Знал, что у вас любовник?

– Ну да. Я же не приходила иногда ночевать, а если и приходила, то была в таком состоянии... Сразу же ложилась, пряталась от мужа, не хотела, чтобы он задавал мне вопросы. Он хороший, он все понимал, я видела, как он мучается, но я мучилась больше. Я закрывала глаза и видела перед собой лицо Германа.

Я пока еще ничего не понимал, а задавать новые вопросы, да еще и в лоб, не хотел, боялся ранить ее. Мне приходилось ждать, когда она расскажет все сама.

– Оля, чего вы боитесь сейчас?

– Всего. Ведь сейчас в доме Макса полиция, там много моих вещей. Макс покупал мне все, что мне было нужно. Там женская одежда, косметика, кремы... Они будут искать женщину, то есть меня, обязательно обойдут все дома, придут и сюда, в ваш бар. Пожалуйста, не выдавайте меня. Мне придется рассказать, кто я, я назову свое имя и фамилию, и тогда они узнают, что я в розыске. Нет, вы не подумайте, я не преступница какая, но муж-то меня наверняка искал. Уж не знаю, что они придумают, следователи эти, но вариантов, как повесить на меня убийство Макса, много. И никто мне не поможет, совсем. Разве что Осип... Так зовут моего мужа. Но я так подло поступила с ним, что вряд ли могу надеяться на то, что он станет мне помогать.

Что ж, подумал я, хорошо хотя бы то, что спустя два года после того, как она бросила своего мужа, она сумела реально оценить ситуацию и назвала вещи своими именами, в частности, поняла, что совершила именно подлость по отношению к мужу. Хотел бы я посмотреть на мужчину, который, узнав об измене жены, не то что не залепил ей пощечину, а принял ее такую вот, изменщицу, и даже, если верить ее словам, пожалел ее! На такой поступок и такое вот нестандартное отношение способен лишь человек в высшей степени интеллигентный, благородный, почти святой.

Уже в ту минуту я прикинул, что мог бы сделать для нее лично я – найти, к примеру, ее мужа, объяснить ситуацию и выяснить, готов ли он помочь своей заблудившейся в ошибках и страстях жене.

Во многом она была, конечно, права. Полиция, следователи непременно уцепятся за возможность заподозрить ее в убийстве доктора Селиванова. Возникнет огромное количество

вопросов: как она познакомилась с ним, какого рода отношения их связывали, почему она жила у него, прячась, и, главное, от кого?

– Так что случилось-то? Как вы оказались у Селиванова?

– Герман бросил меня, уехал куда-то... Не предупредил меня. Хотя мы и не ссорились. Я пришла к нему однажды вечером, позвонила в дверь, а он не открыл. Я долго звонила и в дверь, и ему на телефон, но телефон был отключен. Соседка вышла и сказала, что он уехал, что она видела, как за ним приехало такси, и что он был с рюкзаком. Я слушала ее и не могла поверить. Я долго не верила и все продолжала приходить к нему, стояла в подворотне и смотрела на его темные окна. Я не замечала ни холода, ни дождя... И так продолжалось долго. Глубокой ночью я возвращалась домой, грелась в ванне, ложилась спать и молчала, когда Осип задавал мне вопросы. Он был очень добр ко мне, он понимал уже, что я несчастлива, что меня бросили или, во всяком случае, в моей жизни произошло нечто такое, что заставляет меня так страдать. Думаю, что он бы помог мне, возможно даже, попытался найти Германа, он смог бы, у него связи. Но он не успел. Меня подобрал Макс. Он приехал туда, в тот дом, у него там были какие-то дела, а я в полуобморочном состоянии стояла возле его подъезда, привалившись к стене. Я очень хорошо помню это состояние, когда понимаешь, что сил не осталось даже на то чтобы дышать, не то, чтобы двигаться или тем более куда-то идти, возвращаться, вызывать такси. Да и само по себе возвращение домой было как бы уже бессмысленно, как дальше-то жить, когда там, дома, уже все разрушено, когда человеку, который был так терпелив и добр к тебе, мною была причинена такая боль?! Думаю, что я тогда находилась в пограничном состоянии, близком к тому, чтобы умереть. Я же не знала тогда, что у меня просто было воспаление легких, и я реально погибала... Физически погибала.

– И Макс увидел тебя?

– Да, он подобрал меня, как подбирают бомжих... Это потом я узнала, что он и раньше меня там видел, у него, повторяю, были какие-то дела в нашем доме, кажется, пациентка. И он привез меня в больницу, где меня выхаживали его знакомые доктора. До этого я никогда так серьезно не болела и даже представления не имела, насколько эта пневмония опасна, и что болезнь делает человека таким слабым, некрасивым, беспомощным, потным... Брр...

– А потом он забрал тебя к себе и поселил вот здесь, в своем доме? – недоумевал я.

– Да... Сначала он думал, что я в скором времени вернусь домой, но я не хотела... И чем дольше я у него жила, прячась всякий раз, когда кто-нибудь приходил к нему, тем меньше мне хотелось возвращаться домой. Словом, у меня началась депрессия, тоже штука гадкая, мерзкая...

– А он, взрослый человек, разве не понимал, чем все это может для тебя закончиться? Вы же оба понимали, что тебя ищут!

– Да, это так, но не мог же он вернуть меня домой, как заблудившегося ребенка, против моей воли? Вот так все и вышло.

– И ты ни разу не выходила из его дома?

– Нет.

– Но это нереально!

– Но вот же я, тут с вами... И вы тоже не знали о моем существовании.

Я незаметно для себя перешагнул грань и дерзко перешел на «ты». Должно быть, услышав все эти глупости, я начал воспринимать Ольгу как несмышленного и наивного ребенка. Я мгновенно стал старше и взял на себя роль чуть ли не обвинителя!

Вопросы готовы были градом посыпаться на ее голову, но в какой-то момент я сжалился над ней. Все-таки она ночью пережила стресс и сейчас видела во мне не обвинителя, а, возможно, своего спасителя. Человека, который хотя бы на время заменил ей погибшего покровителя Селиванова.

– Ладно, тогда скажи, что я могу для тебя сделать? Оставить здесь тебя, как это делал Макс, я, пожалуй, не смогу, – начал я, но она тотчас перебила меня, схватила за руку и так на меня посмотрела, что я не успел закончить фразу.

– Но почему? Я буду жить на втором этаже, буду сидеть тихо, как мышка, я уже научилась. А когда вам понадобится моя помощь, я спущусь и сделаю все, что смогу, – приберусь в баре, приготовлю еду, я многому научилась, пока жила с Максом.

– Вы были любовниками? – Не знаю, как так случилось, что я спросил ее об этом. Вот просто вырвалось, и все.

– Нет, что вы!!! – Она замахала руками. – Как вы могли об этом подумать?! Макс был святым человеком, он и пальцем меня не тронул! Какие еще любовники?! Мне хватило и Германа! Я не такая, вы меня просто не знаете! Я не хочу больше любить, я не могу больше любить. Меня так отравили, что я едва осталась жива.

– Отравили? Ты имеешь в виду любовь? – спросил я, хотя и так уже понимал, что именно любовь она и имеет в виду. И это не простые слова, это правда, и знают ее те немногие посвященные, кто когда-нибудь любил. Любовь – это явление практически смертоносное. Но опять же, для посвященных.

Я с трудом мог себе представить тот образ жизни Ольги, который мог бы перейти ко мне словно по эстафете от погибшего доктора Селиванова. Каким, однако, осторожным и аккуратным, получается, он был.

Как можно было в течение целых двух лет скрывать в своем доме девушку?

– Я знаю, о чем вы сейчас подумали, – сказала Ольга дрогнувшим голосом. – О том, что с моей стороны такая просьба выглядит совсем уж нахально. Что у вас есть своя жизнь, что вы – человек общительный, и в баре у вас бывает много людей, и что вам меньше всего хотелось бы, чтобы когда-нибудь меня здесь увидели. Кроме того, у вас может быть и своя личная жизнь, и я буду вам только помехой. Ну, тогда просто позвоните в полицию и сдайте меня. В чем проблема? – Последние слова прозвучали как-то особенно уж громко, с металлом в голосе.

Я пообещал ей, что пока что не стану ничего предпринимать, что сначала надо бы постараться помочь следствию чем могу. Что надо бы встретиться с друзьями Макса, поговорить с ними, подумать, кем могла быть та убитая девушка в белом свитере, что была застрелена рядом с его домом. Вполне возможно, что эта девушка имеет непосредственное отношение к кому-нибудь из нашего поселка. Мало ли, к кому она могла приехать. Может, она чья-то любовница, жена или дочь. И вполне возможно, что кто-то хотел убить ее, а доктор Селиванов просто не вовремя оказался рядом, и его убрали как свидетеля.

– Значит, вы сейчас уйдете? – спросила меня Ольга тоном ребенка (да, она действительно временами напоминала мне девочку!), который боится оставаться один в темной комнате.

– А тебе самой разве не хочется поскорее найти того, кто убил твоего друга? Ведь Макс был твоим другом, я не знаю, покровителем, почти родным тебе человеком! Ты не хочешь узнать, кто его убил? К тому же если найдут убийцу, тогда и тебе нечего бояться.

Она закивала, соглашаясь.

– Да-да, конечно, вам надо пойти. Заодно узнаете что-нибудь новое. А я останусь здесь и буду вас дожидаться.

– Ты это... не бойся... – Я встал, подошел к ней и отчего-то поцеловал ее в макушку. Словно поставив таким образом печать уже своего покровительства над ней.

2

Я напрасно думал, что мне удастся нанести визиты моим друзьям и знакомым из поселка, буквально через несколько минут после того, как мы поговорили с Ольгой, раздался звонок – пришел первый посетитель моего бара. Это был Саша Коневский, поэт и художник, человек весьма энергичный, активный и равнодушный. Он единственный, пожалуй, из всех практически не пил и не курил, но был, как и все, постоянным гостем в моем баре. Я заваривал ему чай с травами (с его же причем травами, которые он собирал, сушил и приносил мне в большом холщовом мешочке), готовил ему бутерброды или омлет. Он был одиноким, поговаривали, что у него в Москве живет бывшая жена и сын-алкоголик. Это был высокий сухой человек с жесткими седыми волосами на маленькой голове, с внимательными карими глазами и острым носом. Губ у него почти не было, только две темно-красные полоски, словно свежие порезы, между носом и острым подбородком. Он носил всегда неизменно синий пиджак с коричневыми замшевыми, затертыми до блеска налокотниками и протертые на коленях вельветовые, цвета бутылочного стекла, брюки. Худую шею его всегда обнимал темный воротник теплой кашемировой водолазки, которую он носил даже в жару. Порывистость его движений и отрывистая речь выдавали в нем скрытого радикального политика и талантливого оратора, но все это я знал от других. Сам же он себя таким образом никогда при мне не проявлял. Пока.

– Привет, Марк, – сказал он, едва я открыл дверь бара. – Завари-ка мне чай. Что-то меня всего трясет. Нет, ты представляешь, этот урод, я имею в виду убийцу, живет среди нас. Он точно местный. Думаю, привез молоденькую любовницу, поссорился с ней, она убежала, тот побежал за ней, скорее всего, пьяный в лоскуты (вот почему я ненавижу всех пьяниц!), да еще и с пистолетом или ружьем в руках, идиот, и начал палить в нее. Селиванов вышел на шум и получил пулю. Как ты думаешь, Марк, кто бы это мог быть?

Возможно, он озвучил общественное мнение, существовавшее на тот момент. Я был уверен, что до того, как прийти ко мне, он уже успел кого-то навестить или встретить по дороге, и теперь ему хотелось поговорить на эту тему здесь, в баре, причем в надежде, что вскоре здесь появится кто-то еще.

Я поставил воду греться, насыпал в чайник трав и вдруг услышал звук приближающегося автомобиля. Я знал этот звук, это приехал на своем микробусе местный фермер Занозов, который поставлял мне свои сыры, овощи, а также продукты, которые забирал для меня с ближайшего оптового склада. Я не знал более предприимчивого и работающего человека, чем он. Каждый его телефонный звонок или действие со временем приносили ему прибыль, он всегда точно знал, где и каким образом, помимо своей основной фермерской работы, может подзаработать. И это с его легкой руки в моей кладовке появилась местная самогонка, на которую мои посетители переходили в моменты, когда заканчивался весь благородный алкоголь. Мне бы и в голову не пришло запастись таким сомнительным пойлом. Но желание клиента – закон для предпринимателя, и хотя я таковым себя не считал, самогонку продавал – что поделывать, если именно этого требовала широкая русская душа моих творческих приятелей.

Поскольку продуктов для моего бара требовалось не так много, мне не было никакого смысла самому ездить на оптовку, тем более что Занозов привозил продукты и в два деревенских магазина, и ему ничего не стоило проехать пару километров, чтобы снабдить и меня. К тому же, что было немаловажно для нас всех, он привозил почти каждое утро свежий хлеб из пекарни своего брата Мишки Занозова.

– О, хлебушек привезли! – обрадовался Саша, принимаясь рыться в своих карманах в поисках денег. Поговаривали, что денег у него немерено, что он, помимо того, что пишет свои стихи, издаваясь на деньги спонсоров или собственные, еще и кропает на заказ толстые мемуары известных людей, предпринимателей и чиновников, за что получает приличное вознаграж-

дение. Но вот наличных, когда надо было расплатиться со мной или кому-то вернуть мелкий долг, у него, как правило, не оказывалось.

На этот раз деньги у него были, и когда Занозов принялся выгружать хлеб на больших деревянных решетках и в баре запахло свежим печевом, Саша сразу же стащил одну большую, еще теплую буханку, протянув мне мелочь.

Он помог мне перенести коробки с продуктами на склад и попросил меня сделать ему бутерброд с сыром. Сыр Занозов делал великолепный, правда, он был мягковат и быстро портился, но я научился его замораживать и время от времени пускал его на приготовление пиццы.

– Слышали, наверное, вашего доктора Селиванова пристрелили, – сказал Занозов перед уходом. Он был краснолицым крепышом в клетчатой рубаше и голубых джинсах. Его широкое приветливое лицо было обветренным, голубые глаза смотрели на мир с оптимизмом. Даже говоря о смерти, он по инерции еще продолжал улыбаться, хотя все знали, что именно Селиванов спас его жену, вскрыв огромный фурункул на ее лице, после чего на месте шва не осталось даже следа.

– Да, конечно, знаем.

– Говорят, он сначала пристрелил свою любовницу, а потом сам застрелился, – пожал плечами Занозов, словно сам удивляясь собственной версии происшествия.

– Какая еще любовница? – возмутился Коневский. – Вы что такое придумали, Занозов?

– Он пончики тебе заказывал? – спросил меня Занозов с легкой ухмылкой.

– Ну заказывал.

– Думаешь, что для себя?

– Подумаешь, пончики... – не сразу понял я.

– Мы как-то пригласили его к себе домой, ну после того случая, чтобы отблагодарить, стол ему накрыли, к чаю Татьяна моя подала пончики, те самые, Мишкины, что из его пекарни и что я тебе привозил. Так вот, он к ним даже не притронулся, сказал, что не любит сладкое. Тогда спрашивается, зачем же он их тебе заказывал? Для кого?

– Может, в город кому-то возил, – предположил Коневский.

– Ну да, конечно, в Москве-то ни пончиков тебе, ни пирогов... не смешно, ей-богу. Да тихушник был Селиванов. Он не один жил, мне еще кто-то рассказывал, как будто бы видел в окне женщину. Прятал ее, значит, замужняя. Иначе чего прятать-то?

– Да он не то что тихушник, он вообще тихий был... – попробовал я защитить доктора. – Тихий, скромный, интеллигентный человек. Не могу себе представить, чтобы он кого-то пристрелил. Тем более женщину. И вообще следствие еще только началось. Я вот лично уверен, что его убили случайно.

– Да конечно, случайно! – поддержал меня Коневский. – А слухи про любовницу... Да мало ли кто чего говорит?! Я тоже слышал и даже видел как-то утром за его домом, в садике, одну молодую даму, она возилась с цветами, так это могла быть его родственница или сестра, а то и вовсе пациентка!

– Знаем мы таких пациенток, – гоготнул и как-то резко замолчал Занозов. – Жалко Селиванова, классный был мужик. И ужасно скромный. От денег отказался, хотя я предлагал. Ну да ладно, подождем, что следователь скажет. Рано или поздно убийцу все равно найдут.

– А пончики-то есть у тебя? – спросил Коневский.

– Есть. Еще десять штук осталось. Хочешь?

– Да, и мне тоже штук пять, – поспешил вставить я, не зная еще аппетита моего поэта.

– И мне тоже пять!

– Отлично. Сейчас принесу.

Сашка выудил из кармана своих зеленых вечных штанов деньги и протянул мне:

– Вот, бери, без сдачи!

Занозов уехал, в бар начали прибывать посетители. Я не успевал наливать им коньяк и водку. До обеда оставалась пара часов, бар я открываю обычно в четыре часа, поэтому у меня не было закуски, разве что колбаса да сыр. Селедку собственного посола, которую я подавал обычно к водке, мне пришлось размораживать в микроволновке, а что поделать? В ход пошли лимоны, шоколад. Все обсуждали ночное убийство доктора и девушки. Я слушал и поражался тому, что был единственным человеком из всей компании, кто ни разу не видел у доктора Селиванова в доме девушку. Оказалось, что ее видели почти все, да только мало кто придавал этому значение. И только теперь, когда якобы «она» была убита, все с жаром вспоминали какие-то детали, связанные с ее пребыванием в доме доктора. Высказывались самые разные предположения. Большинство склонялось к тому, что это была любовница, которая навещала доктора время от времени и которую он скрывал. Некоторые предполагали, что к нему навещались натурщицы, подрабатывающие у наших художников, дамы весьма легкомысленные и веселые, и что они были разные, и что никакой постоянной любовницы у него не было. Высказывались и мнения что это могла быть его дочь, почему бы и нет, ведь доктор был не так уж и молод.

Я продолжал разливать алкоголь, скармливать гостям все, что у меня в то время было из закусок, думая о том, что на втором этаже моего дома в спальне сидит девушка – большая любительница пончиков, тех самых, которыми кормил ее доктор Селиванов.

Алкоголь развязывал языки, но если раньше все эти разговоры, начинавшиеся с каких-то нейтральных тем, заканчивались политикой, то теперь они крутились вокруг женщин, их странностей и непредсказуемости. Появление в баре следователя, того самого, который ночью просыпался в процессе допросов, заставило всех словно протрезветь. И теперь все, притихнув, смотрели на него, как разбушевавшиеся ученики на появившегося учителя.

Он заказал водки и сел за отдельный столик возле окна. Это был высокий худощавый мужчина лет сорока пяти – пятидесяти в черной рубашке и джинсах. Короткие волосы его серебрились на продолговатом черепе. Я вспомнил его фамилию – Ракитин.

Он кивком подозвал меня к себе:

– Вас, кажется, зовут Марк?

Я кивнул, ставя перед ним пепельницу. На мой лесной бар запрет курения в общественных местах не распространялся, и я, забывшись, что передо мной сидит представитель закона, поставил перед ним пепельницу. К счастью, он даже обрадовался, сразу же достал пачку сигарет и закурил.

– Как звали девушку, которая жила у вашего доктора Селиванова? – спросил он тоном человека, уверенного в том, что все вокруг знают о том, что Селиванов жил не один.

– Да я вообще не в курсе, что у него кто-то живет. А что, эта девушка... Она действительно жила у него? Но никто из нас этого не знал! – Мне показалось, что я высказал общее мнение.

Мои потеплевшие посетители из вежливости пытались тихо разговаривать друг с другом, чтобы не создавалось впечатления, будто бы они хотят подслушать наш разговор со следователем.

– В его доме много женских вещей, и все они по размеру вполне подходят к убитой девушке. И вы говорите, что никто из вас не знал, что он живет с ней? Но разве это реально – скрывать девушку?

– Он был скромным человеком, может, она была замужем? – предположил я, радуясь тому обстоятельству, что и следователь пока что считает, что никакой другой девушки, кроме убитой, и в помине нет, и что если в доме доктора нашлись женские вещи, то почти стопроцентно они принадлежали как раз ей. – А иначе чего ему скрывать-то ее?

– А к вам та девушка не приходила? Это ведь вы обнаружили ее труп. Не узнали? Никогда прежде не видели ее? – Он повторял вопросы, которые задавал еще ночью, в лесу. – Могла бы,

к примеру, прийти за хлебом. Мне сказали, что поскольку все магазины находятся далеко от вас, в деревне, то вы взяли на себя обязанность снабжать писателей хлебом.

– Не только писателей, но и художников. – Пусть и грубовато, я попытался перевести разговор на другую тему. – Здесь же не только литераторы живут, но и художники. Здесь тихо, красиво...

– Да это все понятно, – отмахнулся он от меня. – Я не о том. По какой еще причине, вы полагаете, Селиванов мог скрывать девушку?

– Да я ведь уже сказал, она могла быть замужем...

– А я думаю, что эта девушка могла иметь отношение к кому-то из ваших... – здесь он понизил голос, – посетителей, друзей-приятелей. – Он едва заметно качнул головой в сторону уныло сидящих за пустыми рюмками товарищей.

– Кто знает... Может, и так. Думаете, эта девушка могла бросить кого-то из них и перебраться к доктору? – Уж в эту версию я совершенно не верил, она казалась мне абсолютно абсурдной.

– Почему бы и нет? Во всяком случае, мы должны проверить все версии. Не знаю, возможно, вы все что-то скрываете, но вот по какой причине – пока не знаю.

Он допил свою водку и ушел. Меня же тотчас облепили мои товарищи, все хотели знать, о чем он спрашивал.

– Да это я должен вас спросить, почему вы, я имею в виду тех, кто видел у Селиванова девушку, ничего ему об этом не сказали.

Мнение было общим – никто не желал связываться со следствием, а потому все сделали вид, что никакой девушки не видели. Все очень дорожили своим спокойствием, а потому предпочли молчать. Тем более что о ней-то действительно никто и ничего не знал.

Я сказал, что у меня дела, и, сославшись на то, что всю ночь не спал и что я тоже живой человек и мне нужен покой, довольно-таки бесцеремонно попросил их уйти.

И только оставшись один, я понял, как же все-таки рисковал, позволив Ольге остаться у меня. Ведь рано или поздно и ее может кто-нибудь здесь увидеть.

Я прибрался, взял коробку с пончиками и поднялся наверх.

3

Ольгу я нашел в постели. Ее желание спать, я думаю, было вызвано нервным стрессом. Кроме того, ее организм просто не справлялся с обрушившимся на нее горем. Безусловно, думал я, она привязалась к доктору, к человеку, который, возможно, спас ее от смерти. От реальной смерти от пневмонии. Конечно, он, как и я, в первое время вынашивал план ее возвращения домой, к мужу, но раз он так не сделал, значит, на то были причины. Ее причины.

История, которая с ней приключилась до встречи с доктором, случалась со многими женщинами, и кто-то справлялся с ситуацией и находил в себе силы жить, Ольга же, привязавшись эмоционально к своему парню, Герману, со свойственными лишь подросткам (по моему мнению) максимализмом и молодой глупостью, решила, что с его исчезновением и ее собственная жизнь как бы не имеет смысла. Это разрушающее чувство, которое я для себя называю влюбленностью, поскольку любовь – чувство более глубокое и серьезное, начало разрушать и саму Ольгу. И доктор видел это и, оценив ее состояние, принял решение взять ее под свое крыло.

Да, безусловно, он мог бы вернуть ее мужу. Физически. Вот просто посадить в машину и привезти домой. Но, видимо, он предполагал также и тот факт, что, помимо того, что она стыдилась мужа из-за своей измены и предательства, он сам своим существованием как бы напоминал ей о Германе. Вот это было для нее больнее всего. Она хотела забыть декорации своей прошлой жизни и начать новую жизнь здесь, в нашем лесу, рядом с безобидным и очень добрым доктором Селивановым. И кто знает, сколько еще времени она прожила бы здесь, если бы не это ужасное убийство. Вернее даже, двойное убийство.

Кто знает, может, со временем Ольга полюбила бы Макса и даже вышла за него замуж, родила бы ему детей. Или же, окончательно придя в себя, вернулась бы к мужу. Не исключал я и того, что Макс успел тоже привязаться к девушке и даже влюбиться в нее. Он мужчина, и этим все сказано. Возможно даже, что между ними что-то и было, да разве теперь она признается мне в этом? Хотя ее горе было велико, оно накрыло ее с головой, и я, далеко не доктор, тоже не мог не беспокоиться по поводу ее душевного здоровья. Должно быть, сейчас, оставшись совсем одна, она просто не знала, как ей жить дальше. Если она невиновна в убийстве Макса, то все равно, довольно реально оценивая ситуацию, боится, что это преступление повесят на нее. Тем более что она сбежала с места преступления. К тому же, зацепив ее в связи с убийством Макса, следователь начнет распутывать и ее прошлое, возможно, выяснится, что она вообще считается погибшей. Начнут копать, и кто знает, что найдут...

Но как бы я ни симпатизировал моей незваной гостье и как бы ни сочувствовал ей, здравый рассудок меня еще тогда не покинул – я должен был увериться в том, что она мне не лжет. Хотя бы выяснить, та ли она, за кого себя выдает, или нет. А для этого я должен был отправиться в Москву и по возможности найти ее мужа. Уж как я буду с ним разговаривать, о чем говорить, я тогда понятия не имел. У меня есть друг, Фима Костров, частный детектив, который может решить множество проблем, начиная от розыска пропавших людей и заканчивая расследованием самых настоящих криминальных дел. В свое время, разочаровавшись в следственной системе, он ушел на вольные хлеба и, я знаю точно, очень хорошо справляется со своей работой, расследуя дела своих клиентов. Мы с ним давно не виделись, и я даже не был уверен, что он в Москве, все-таки было лето, и он мог отправиться куда-нибудь путешествовать. Поэтому решил сначала ему позвонить, договориться о встрече. Он очень обрадовался моему звонку и назначил мне время. Собираясь на встречу, я чувствовал себя настоящим предателем по отношению к Оле.

– Хотите навести обо мне справки? – спросила она меня как бы между прочим, откладывая книгу, которую читала. Она сидела на диване в гостиной и наблюдала с едва уловимой

усмешкой за моими сборами, я очень долго не мог найти галстук. – Галстук-то зачем? Какой-то важный визит?

Мне стало не по себе. Я присел рядом с ней, взял ее за руку. Мне было ужасно стыдно, что я позволил себе сделать это на правах человека, от которого сейчас многое в ее жизни зависело. По сути, она была еще и моей пленницей! И я вот таким образом злоупотребил своим положением. А рука ее была на редкость нежной, шелковистой и холодной.

Я поднял голову и заглянул в ее глаза. Там, внутри них, еще два года тому назад бушевал пожар, и сердце ее билось так, что содрогалось все тело. Любовь сжигала ее, заставляя совершать какие-то безумные поступки, превращая в пепел ее отношения с мужем. И вот теперь она сидела передо мной такая остывшая, какая-то холодная, с потухшим взглядом, словно в ней уже давно все выгорело. Сможет ли она когда-нибудь еще полюбить? Остались ли в ней жизненные силы, чтобы справиться с горем и своими страхами теперь уже тюрьмы? Думаю, что нет. От нее, пожалуй, осталась лишь оболочка. Нежная и изящная.

– Мне надо посоветоваться с одним знающим человеком. – Я не стал ей лгать. – Объясню ему ситуацию, может, он подскажет, что тебе теперь надо делать, как быть. Но ты должна понять, что если тебя на этот раз кто-то заметит у меня, то будет еще хуже.

– Да уж куда хуже-то... – Она тяжело вздохнула.

Тоже верно. Но все равно надо было действовать.

– Ты сиди здесь и не выходи. Наверняка кто-нибудь притащится в бар, будет звонить. Сиди тихо, поняла?

– Это я умею. – Она слабо улыбнулась.

– Да... Ты можешь мне хотя бы назвать свою фамилию?

– Туманова.

Точно, Туманова, подумал я тогда. Сплошной туман, а не девушка. Я оставлял ее с тяжелым сердцем. Как маленького ребенка, который может случайно зажечь спички и устроить пожар или съесть стиральный порошок.

Мы встретились с Фимой в летнем кафе. Он еще больше поправился и выглядел вполне довольным жизнью человеком. Увидев его, я сразу вспомнил, что он не так давно женился. Так вот откуда это счастливое выражение лица и какая-то радость, которую он излучал. Я тоже был когда-то женат, но стопроцентно не выглядел таким умиротворенным, разве что в первые месяцы семейной жизни. И как же давно все это было... Сейчас моя жена живет с каким-то артистом и варит ему борщ. Об этом я прочел как-то в светской хронике.

Мы заказали кофе, и я рассказал Фиме об убийстве доктора Селиванова и Ольге.

– Хочешь сказать, что она целых два года жила у доктора и ее никто не видел?

Я рассказал все, что знал.

– Очень интересная история, – задумался Костров. – Я понимаю, ты хочешь ей помочь и даже чувствуешь какую-то ответственность за нее, но должен сразу предупредить – не стоит воспринимать ее как жертву. Мы ничего о ней не знаем. И я вполне допускаю, что убийца доктора – именно она. И не смотри на меня так. Ты же сам должен понимать, что уж слишком странная история. Надо все проверить.

– Так я для этого к тебе и пришел!

Конечно, мне неприятно было все это выслушивать, хотя я понимал, что ему, человеку постороннему, уж точно нет никакого дела до Ольги. К тому же он профессионал, а потому ему по штату было положено подозревать всех и каждого.

Конечно, я рассказал ему о том, что какую-то девушку видели его соседи и что они недоумевают по этому поводу – зачем было ее скрывать? Откуда им было знать, что девушка сама этого хотела. Что ей важно было скрыться так глубоко, чтобы ее никто не узнал, не нашел.

– Конечно, надо проверить ее мужа, Туманова, жив ли он, – осторожно предположил Фима, стараясь не смотреть мне в глаза. – Да, жаль, что ты не знаешь, как его зовут. Знаешь, сколько в Москве Тумановых?!

– У него еще имя редкое, не то Оскар, не то Осип, точно не помню... Ты что, думаешь, она и его убила? – не выдержал я, повысив голос, да так, что на меня обернулось несколько посетителей кафе.

– Говорю же – все надо проверить.

Он сказал, чтобы я перезвонил ему через три часа, возможно, тогда будет какая-то информация. Пока что ему надо было выяснить все, что было известно следствию по убийству Селиванова, и навести справки о, возможно, пропавшем Туманове и Ольге Тумановой.

– Думаю, ты понимаешь, что в случае чего ты будешь отвечать за сокрытие преступницы, – добил меня Фима.

С одной стороны, я злился на него, с другой – как это ни странно, был ему даже благодарен – ведь он был все же моим другом, а потому должен был предотвратить все риски, связанные с этим делом. Словом, я решил полностью ему довериться и все три часа ездил по Москве, убивая время и беспрестанно размышляя о том, какие последствия меня ждут в случае, если Ольга, мягко говоря, не жертва. Так, измаявшись, я вдруг решил вернуться в поселок и проверить, все ли в порядке.

Я въехал в лес и покатил по дорожке прямо к моему дому. Погода была изумительная, солнце дробилось в стволах гигантских елей, я вдыхал чудесный воздух через открытое окно. Музыка я в тот день не включал – всецело был погружен в свои мысли и не желал, чтобы меня хотя бы что-то отвлекало. Ведь музыка – весьма ассоциативная штука, слушая определенную мелодию, начинаешь вспоминать все то, что с ней было связано. Но теперь-то у меня началась новая полоса в жизни, а потому я не желал оглядываться на свое еще вчерашнее прошлое, вполне себе, так сказать, спокойное.

Как бы мне хотелось, чтобы убийство моего друга доктора Селиванова было плодом моего воспаленного воображения! Но настоящее прочно держало меня на привязи и рисовало картины ночного кошмара – трупы, кровь, полицейские, следователь, перепуганные и заспанные лица моих друзей и приятелей. Неужели я никогда не увижу больше Макса, не переброшусь с ним парой слов? И как вообще могло такое случиться, что я, плотно общаясь с ним, ни разу не заподозрил в нем какую-то недосказанность, тайну? Возможно, в приливе откровенности, он, придя в мой бар, и хотел поделиться со мной всем тем, что мучило его и волновало, и только необъяснимая преданность девушке, которой он покровительствовал, сдерживала его.

Ольга была прекрасна, и я вполне допускал, что Макс мог влюбиться в нее. Тем более что он прожил с ней под одной крышей целых два года! Но опять же, испытывая к ней чувства и одновременно сдерживаясь, чтобы не травмировать ее, и без того раненую и запуганную, он попал в эмоциональную зависимость от нее и, безусловно, чувствовал какую-то ненормальную ответственность. Конечно, я слышал, да и знал, в каком состоянии бывают люди, испытывающие депрессию. Возможно, пребывание так называемой пациентки в лесу, в тихом доме, подальше от людских глаз, было, по мнению Селиванова, самым оптимальным вариантом терапии, способной восстановить ее душевное здоровье. Но не слишком ли долго длилось это так называемое лечение? А что, если, поправившись, Ольга стала его любовницей, но, поскольку она скрывалась и не могла показаться на людях, их отношения, развивавшиеся в тесном пространстве и в очень странных обстоятельствах, просто зашли в тупик? Возможно, в доме доктора появилась другая девушка... Кем она могла ему приходиться? Родственницей? Вряд ли... Скорее всего, возлюбленной, причем новой возлюбленной, роман с которой развивался прямо на глазах Ольги. Моя фантазия разыгралась настолько, что я предположил, что это не Макс влюбился в Ольгу, а наоборот. И что появление в его жизни новой девушки спровоцировало ее на новый виток неконтролируемого поведения, и она убила?... Обоих? А потом практиче-

ски ворвалась ко мне ночью в надежде, что и я поведусь как дурак и спрячу ее в своем доме, спасая ее тем самым?

Я достал ключи и открыл дом, взлетел на второй этаж и в дверях спальни остановился, замер, слушая лишь биение своего сумасшедшего сердца – постель была аккуратно заправлена, Ольги не было.

Я обошел весь дом, заглядывая даже под барную стойку, но все было бесполезно – ее нигде не было. Что вообще происходит? Куда она подевалась? Уж не приснилась ли она мне?

Я искал по дому ее следы, ну хотя бы крошку от пончиков на покрывале – но нет. Ничего не было. Она исчезла. Прошла через запертую дверь? Но как?

Балкон! Я выбежал на балкон, конечно же, я оставлял его открытым. Стало быть, какое-то привидение, а живой реальный человек, и выбралась из дома через балкон. Там невысоко, легко можно перебраться на ветку яблони и оттуда спрыгнуть на пол террасы и убежать в лес. Но зачем? Испугалась, что я поехал в Москву, чтобы сдать ее полиции? Неужели? Но тогда почему же я не сделал этого раньше?

Мне было неприятно, горько и обидно. И что я скажу теперь Фиме? Да и поверит ли он мне, что она вообще была? Еще сочтет меня чокнутым... Хотя нет, он-то как раз первый и уцепится за это и решит, что был прав, когда ее подозревал.

Услышав внизу шум, я почему-то улыбнулся – в голове сразу возникла картинка: Ольга, решившая прогуляться по моему садику, возвращается в дом через дверь. Сейчас будет извиняться... Глупо улыбаться.

Я сорвался вниз, в бар, но вместо Ольги увидел Илью Безобразова, нашего художника-акварелиста. Он был в своей неизменной куртке неопределенного цвета и потертых джинсах. Ему бы еще берет на голову и кисть в руку, подумалось почему-то мне, и получится хрестоматийный образ свободного художника.

– Привет, Марк, – сказал он мне, и я почувствовал, как от него несет перегаром. Они все пили, мои творческие друзья, Илья не был исключением. Возможно, алкоголь пробуждал в них вдохновение, не знаю.

– Привет. Извини, мне некогда, я уезжаю, – произнес я, демонстративно поглядывая на старинные настенные часы.

– Да я на минутку. Посоветоваться надо бы.

– Ладно, садись, – кивнул я, откуда-то зная, что услышу сейчас нечто о ночном убийстве.

– Мне кажется, я знаю, кто эта девушка.

– Какая именно? – чуть не проговорился я.

– Как какая? Которую застрелили. Ее же никто из наших не опознал, но на самом деле личность она известная. Это Зоя, я думаю. Моя натурщица. Зоя Храменкова.

– Ты серьезно?

– Точно сказать не могу, я же не видел ее вблизи, просто побоялся.

– Так я же тебе, кажется, ее фото на своем телефоне показал.

– Я не смотрел. Боюсь трупов.

– Тогда с чего ты решил, что это именно она?

– Да потому, что она ночевала у него несколько раз, у нашего доктора. Я сам лично видел, как она от меня, вместо того, чтобы отправиться на автобус, пошла по направлению к его дому. Там одна дорога, за его домом – лес.

– Так, постой. Давай с самого начала. Кто такая Зоя и что она делала в первую очередь у тебя?

– Моя натурщица. Ты же знаешь, я в основном натюрморты пишу. А тут объявили конкурс для таких, как я, нарисовать обнаженку. Собираются устроить осенью выставку. Ну я и позвонил Зое. Мне ее телефон Влад Сучков дал, ну знаешь его. Когда жена в отъезде, он вроде

бы работает, натурщиц к себе приглашает, а сам вот уже целый год пишет один и тот же женский портрет, причем без головы.

– В смысле? – не понял я.

– Тело практически написано, и драпировки тоже, а вот головы пока нет... То есть как бы для жены, получается, имеет право продолжать работу, приглашать девушек. Ну не может он закончить работу, ему окружение нужно, девушки, вино. Живет он так.

Я знал Влада – смуглый, бородатый и страшный, как атомная война, но девушки у него дома не переводились, это факт. Иногда он приходил в мой бар с одной из них, даже с двумя, а иногда посылал натурщицу ко мне за вином или водкой, и они потом целую ночь гудели, по лесу разносился женский смех, визг... Причем все его натурщицы были дамы не слишком молодые, какие-то потасканные, уж точно не молоденькие студенточки, решившие заработать. Я бы не удивился, если бы узнал, что Владовские натурщицы сами привозили ему закуску или выпивку, не надеясь на гонорар. Им был нужен сам Влад – веселый, вечно пьяный, готовый на мужские подвиги.

– И? Ты работал с ней. – Я старался говорить аккуратно, чтобы не обидеть Илью, хотя, кто его знает, может, и он недалеко ушел в определенном смысле от своего коллеги Сучкова. – И что потом? И когда это было?

– Да я уж точно и не помню, несколько дней тому назад. Я написал акварельный набросок, мне показалось, что вполне себе удачный, такая Ева с яблоком... Заплатил Зое, и она должна была пойти на автобус, в деревню. Но вижу в окно, она направилась напрямик к нашему доктору. Думаю, это ее у него видели, я же слышал, как мужики говорили что-то о том, что у доктора живет какая-то женщина. Никто у него не жил, это Зойка к нему приходила. А что, я его не осуждаю, мужик одинокий, почему бы и нет?

– Значит, полагаешь, что это ее убили вместе с Максом?

– Предполагаю, – поправил меня Илья. – Ну вот и все, что я хотел тебе сказать. Сам-то я точно не буду давать показания, не нужно мне это. Я вообще занят. А вот ты, если тебя спросят, ну если к тебе сюда снова следователь заглянет, скажи, что кто-то, мол, тебе сказал, что у доктора бывала Зойка. Я так понял, что тело не опознали... Просто хотел помочь. У нее же, думаю, близкие есть, может, ищут. Так ты им помоги. А я пошел.

И Илья быстрым шагом направился к выходу.

Я, придя в себя через пару минут, тоже собрался уходить. Мне оставалось не так много времени до звонка Фиме. А где звонок, там и встреча. Я должен теперь просто мчаться в Москву!

4

– Его зовут Осип Иванович Туманов, сорока двух лет, нейрохирург. Он, слава богу, жив и здоров! – С этих слов Костров начал делиться со мной полученной им информацией. Мы встретились с ним все в том же кафе на Арбате. Я смотрел на праздно разгуливающих людей или посетителей кафе, о чем-то мирно болтающих, и завидовал им, что из их-то дома не пропала убийца. Да, именно так я и думал. Что ж, уже то, что ее муж жив, вселяло какую-то надежду на благоприятный исход. – И у него действительно два года тому назад пропала жена. Но...

И здесь не очень-то эмоциональный Фима вдруг хитро улыбнулся и поднял кверху указательный палец:

– Уже через пару дней она нашлась. Так что все в порядке. Если, конечно, речь идет именно об этом Туманове. Но у других Тумановых, мы проверяли, жена вовсе не пропадала.

– И что все это может значить? – растерялся я.

– А вот ты сам и подумай.

– Она пропала, – сказал я. – После нашего с тобой разговора я отправился к себе домой, а ее там нет. Словно ее и не было. Полагаю, что она выбралась через балкон.

Костров посмотрел на меня с подозрением. Я же почувствовал себя полнейшим идиотом.

– Так, ладно. – Фима словно очнулся и переключился на другую тему. – Я беседовал со следователем, который ведет дело об убийстве доктора Селиванова и девушки, личность которой еще не установлена. Дело им представляется трудным. Нашлись свидетели, которые видели какую-то девушку в доме доктора, но кто она и когда появилась и сколько времени с ним проживала, никто точно сказать не может. Полагаю, что они и видели как раз твою Ольгу. Хотя...

– Вот именно! – воскликнул я. – «Хотя»!

И я рассказал ему о недавнем визите художника Безобразова и об его легкомысленной натурщице Зое Храменковой, которая, по его словам, как-то раз направлялась к дому доктора.

– Получается, если верить им обоим, Безобразову и Ольге, у доктора в доме могли время от времени находиться сразу две женщины, так?

Трудно было с ним не согласиться.

– Понятное дело, что в доме доктора работали эксперты, которые действительно обнаружили там следы пребывания молодой женщины. Одежда, косметика и прочее. Взяты отпечатки, следы, биологический материал с расчески, простыней, полотенца, белья... Словом, все, что необходимо. Я со своей стороны могу прислать в твой дом моего знакомого эксперта из независимой лаборатории, который обследует и твой дом на наличие следов Ольги для того, чтобы потом сравнить их со следами в доме Селиванова. Таким образом, мы будем точно знать, действительно ли с ним проживала именно она.

– А ты сомневаешься? Какой смысл ей было мне лгать?

– Вот этого, мой дорогой Марк, ни ты, ни я не знаем. Предположим, все, что она говорит, – правда, и к тебе она прибежала прямо из дома Селиванова, где раньше прожила два года. То есть, попав в передрагу, доверилась тебе полностью, попросила убежища. Но, с другой стороны, зачем она тогда сбежала? И, главное, зачем придумала историю про мужа, который ее как бы ищет? Она не объявлена в розыск. Туманов сам пришел в полицию и сказал, что она нашлась.

– Я хотел бы встретиться с ним и поговорить, – сказал я. – Я же должен как-то действовать! Может, это как раз он лжет, а не она? Может, это он потенциальный убийца, я не знаю...

Я действительно не знал тогда, что и думать. В голове у меня был полный сумбур.

– А сбежала она потому, что перестала доверять мне после того, как я собрался в город к тебе. Я же сказал ей, что у меня есть человек, который мог бы помочь ей в ее ситуации. Она же меня не знает, а потому вполне могла предположить, что я могу сдать ее. Может, я только в первый момент принял ее сторону, а потом, подумав хорошенько, понял, что ее опасно держать в своем доме. Другими словами, она могла предположить, что я вполне допускаю мысль, что это именно она убила доктора с той девушкой.

– Эксперты, кстати говоря, сейчас как раз работают над тем, чтобы сравнить ДНК убитой с ДНК девушки, что проживала в его доме и чьи вещи были там обнаружены.

– Да это понятно...

– Кроме того, сейчас разыскивают автомобиль, следы протектора которого были оставлены на дороге. Поскольку место там немногочисленное и девушка могла необязательно прийти пешком к дому доктора, но и приехать. Возможно, ее кто-то привез.

Я был настолько далек от всех этих экспертиз, и все эти научные исследования представлялись мне сплошным туманом, что мне трудно было представить себе, что по следам протекторов можно найти нужный автомобиль. Да бред какой-то! Я понимаю еще, если бы эти следы нужно было сравнить хотя бы со следами автомобилей, владельцами которых являлись члены нашего творческого лесного общества. Это да. Но если даже предположить, что убийца проживает в нашем поселке, то зачем бы ему понадобилось вообще заводить машину, если дом доктора находился приблизительно в пяти-десяти минутах ходьбы. Нет, эту версию, применительно к автомобильной теме, я сразу отмел. Хотя, по другим показателям, убийца действительно мог быть из наших. Хотя бы потому, что одной из жертв была молодая девушка. Кто знает, какие тараканы водились в головах моих приятелей – художников, поэтов и писателей. Каждый имел какие-то свои тайны и тщательно их оберегал. Да взять хотя бы меня! Время от времени и в моем доме появлялась какая-нибудь нимфа. И я не собирался ее никому показывать. Когда я работал внизу, в баре, девушка сидела (или лежала) в спальне, спала или читала, смотрела телевизор или слушала музыку. А утром я отвозил ее в город.

Гипотетически на роль очередной нимфы напрашивалась Ольга. И будь она попроще и поговорчивее, все бы получилось. Но она была сложной, непредсказуемой (как выяснилось к тому же) и, вполне возможно, опасной.

– Давай поступим следующим образом, – с этими словами Костров достал папку, открыл ее и высыпал оттуда довольно четкие фотографии убитой девушки. – Надо бы тебе хорошенько опросить своих приятелей. Напои их, постарайся, чтобы кто-нибудь развязал язык. Ну не верю я, чтобы это убийство не было связано с обитателями твоего леса. Ну не случайно же она там оказалась, да еще и ночью. И доктор тоже имеет к ней отношение, все-таки рядом с его домом их обнаружили. Хотя кто знает, может, пришли убивать доктора, а у него в гостях была эта девушка, она услышала, возможно, какие-нибудь звуки, шум, вышла посмотреть, и ее пристрелили как свидетельницу. Я поглядел материал, понял, что трупы нашли в отдалении от дома доктора, да?

– Да. Знаешь, мне до сих пор не верится, что это я обнаружил эти трупы. И хорошо еще, что мне поверили, будто я оказался там ночью случайно, я же сказал, что шел к доктору за таблетками.

– Я не уверен, что они тебе поверили, поэтому ты будь готов к новым допросам. Вот тебе адрес Туманова, попытайся что-нибудь выяснить о нем и его жене, но только очень аккуратно. Справишься?

– Думаю, да.

Потом он сказал, что, скорее всего, следователь Ракитин займется проработкой родных и близких Селиванова, будут проверяться алиби, автомобили, изучаться мотивы убийства. Копнут прошлое доктора, может, там завелся какой-нибудь червячок, решивший, что именно по вине Селиванова умер кто-то из его близких.

Но меня все это, по большому счету, не интересовало. Мне надо было проверить Ольгу, увериться в том, что она не имеет к убийству никакого отношения. И вот тогда я найду ее и постараюсь сделать все возможное, чтобы вернуть ее к настоящей, реальной жизни. Хватит ей уже прятаться и приходить в себя. Вполне вероятно, что после пережитого шока, стресса, потрясения она снова впала в депрессию. Не хватало мне еще только стать виновником суицида! Никогда себе этого не прощу!

– Я буду держать тебя в курсе, – пообещал мне Фима, приняв от меня конверт с деньгами. – Ну и постараюсь аккуратно узнать про натурщицу Зою. Хотя интуиция мне подсказывает, что это все же не она. Уж больно молода убитая. Думаю, к вечеру у меня уже будет информация о пропавших в тот день девушках.

– Постой, Фима, хотел тебя спросить: как ты объясняешь следователю свою заинтересованность в этом деле? Надеюсь, ты ничего ему не рассказал обо мне?

– Я сказал, что просто на дружеской ноге с одним из обитателей твоего поселка, художником, который обратился ко мне с просьбой узнать как можно больше об этом убийстве. Что он, человек впечатлительный и эмоциональный, как и все художники, сильно переживает по поводу убийства доктора, а также подозревает, что убитая девушка – действительно натурщица.

– Да ладно! – Я не поверил своим ушам.

– Так что твоя информация по поводу натурщицы Зои – как золотой слиток в этом деле. Очень вовремя ты мне о ней рассказал, ну просто очень вовремя. Теперь мне будет еще проще добывать информацию.

– А если он начнет допытываться у тебя, кто этот человек?

– У нас с ним свои принципы работы. Ты думаешь, он не понимает, что и я ему могу пригодиться?

Мы пожали друг другу руки и распрощались.

Я отправился по адресу, где проживал Осип Туманов. Как к нему подобраться, я понятия не имел. В голове звенела пустота. Кем я ему представлюсь? Что скажу? Я представлял, как я звоню в его дверь, и все, на большее у меня фантазии не хватало. Ну, хотя бы увижу его.

Однако прямо возле его дома я вдруг понял, что совершил ошибку, приехав сюда. Я не был готов к этому визиту совершенно и мог только все испортить. Что, если Ольга, одумавшись, вернулась к нему, домой? Тогда все еще больше запутается.

Я позвонил Кострову и явно с опозданием спросил, где, в какой больнице он работает. Вот там, в общественном месте, мне будет куда легче наводить о нем справки. Поговорю с какой-нибудь медсестрой, скажу, что мне предстоит операция на головном мозге и что мне порекомендовали Туманова как хорошего специалиста. Или что-нибудь в этом духе. Фима мой план одобрил и пожелал мне успеха.

Я развернулся и поехал в совершенно другую сторону.

Москва переливалась на солнце витринами магазинов, пестрела роскошными клумбами, по улицам шли одетые в светлые одежды люди, которые радовались теплу, лету, жизни. Я же вместо того, чтобы наслаждаться этой самой жизнью, придумывал какой-то мошеннический (иначе и не скажешь) ход по добыванию информации о нейрохирурге Туманове. Когда я входил в большой и наполненный солнцем холл клиники, у меня на самом деле разболелась голова. Подумалось, что, может, не дай бог, конечно, мне и придется когда-нибудь обращаться за помощью к этому Туманову.

К счастью, он не был на операции. Медсестричка в салатовом халатике сообщила мне, что доктор Туманов в своем кабинете, обедает. Что поздний обед – все равно обед. Я постучался и, не дожидаясь ответа, приоткрыл дверь. Картинка, которая сложилась у меня моментально в голове, была семейной и пахла чесноком. За большим столом сидел мужчина с коротко стриженными волосами и с аппетитом поглощал еду из пластикового контейнера. Напротив

него, умиленно сложив кулачки под подбородком и глядя ему в рот, сидела молодая женщина в сером коротком платьице с белым кружевным воротником. Каштановые волосы ее отливали на солнце настоящим золотом.

Мужчину я где-то уже видел. Определенно. Очень знакомое лицо. Оно ассоциировалось у меня почему-то с бутылкой коньяка и черными перчатками. Вот такая картинка нарисовалась в моем воображении.

– Ой, извините... – пробормотал я, втягиваясь обратно в коридор.

Мимо проходила другая медсестра, к которой я метнулся, чтобы уточнить, действительно ли тот мужчина с контейнером – Туманов, на что мне простодушно ответили, мол, да, это он. И тогда я, набравшись смелости и нахальства (отлично понимая, что мой вопрос прозвучит более чем по-идиотски), спросил, а кто та кормящая женщина, добавив поспешно: «Она, случайно, не Лидия Ивановна?» Вроде как я предполагаю, что вижу перед собой еще одного хирурга, какую-то там Лидию Ивановну.

– Нет-нет, что вы, это же его жена, Ольга Михайловна.

И девушка, сунув нежные свои руки в кармашки халатика, застучала каблукочками мягких медицинских сабо по плиточному звонкому полу.

Я сел где стоял, на жесткий металлический стул цвета сливочного мороженого, ряд которых выстроился вдоль всей стены коридора.

Вот это ничего себе! Оказывается, у Туманова совершенно другая жена, которую, правда, зовут точно так же – Ольга. И кто здесь у нас мошенник? Вернее, мошенница? Та девушка, что вторглась в мою жизнь поздно ночью, признавшись позднее, что она была сожительницей доктора Селиванова и женой доктора Туманова?

Я проклинал себя, что не спросил отчества своей Ольги Тумановой. Что, если в Москве два нейрохирурга Осипа Туманова? Я не знал, что уже и думать.

Мне пришлось ловить Ольгу Михайловну уже на улице, где я дожидался ее в машине, полагая, что после кормежки мужа она все же покинет клинику. И оказался прав. Она вышла в радостном расположении духа и бодро так направилась к серебристому «Фольксвагену». Я должен был действовать. Сколько раз я ловил понравившихся мне женщин, пользуясь уловками своих друзей-художников. И практически всегда они срабатывали. Но это понравившиеся женщины. Ольга Михайловна была премиленькой, но она мне не могла нравиться уже тем, что вообще существовала. Туманов в моем представлении должен был быть один – страдающий, униженный бегством или исчезновением жены, одинокий!

Она опустила стекло и тотчас увидела меня. Не испугалась. Таких, как я, не боятся. Во всяком случае, так говорили мне некоторые мои женщины. Таких, как я, любят. И это не мои слова.

– Бога ради, не бойтесь... Понимаю, что мое появление перед вами может вас напугать или удивить... Я художник, мне очень понравилось ваше лицо. Хочу написать ваш портрет с голубыми гортензиями. Это все!

Ну вот я и произнес эту чушь. И почему с голубыми гортензиями? Да потому что так мое внимание к этой женщине может выглядеть более предметным, продуманным, словно бы я, несчастный художник, брожу по улицам в поисках нужного мне лица, потому что задумал написать женский портрет именно с голубыми гортензиями.

– Вы что, с ума сошли?!

Так восклицают многие женщины по самому разному поводу. Это у них дежурное такое выражение, произнеся которое, они имеют немного времени для того, чтобы успеть хотя бы что-нибудь понять, осмыслить происходящее с ними. Если бы я, к примеру, сунул голову ей в окно и поцеловал ее, она, готов поспорить, произнесла бы точно такую же фразу. Если бы

наступил ей на ногу, пролил на нее в магазине молоко, напугал бы ее, схватив сзади за плечи, позвонил бы ей и признался в любви...

– Меня зовут Захар Сурин. – Я придумывал прямо на ходу. – Я художник, говорю же вам! Пожалуйста, помогите мне, я готовлюсь к выставке, мне просто необходимо закончить мою работу через месяц, а я ее даже и не начинал!

Я говорил быстро, проглатывая слова и напуская туману, чтобы не дать ей возможности вставить слово и тем более отказать мне.

– Да при чем здесь я? – нахмутив свои тонкие выщипанные брови, но уже более мягко, польщенная тем, что на нее обратил внимание художник, да еще прямо на улице, произнесла она. У нее была матовая свежая кожа, розовые щечки, большие карие глаза. Вот странное дело, казалось бы, все у нее на месте и все красивое по отдельности, но, может, какое-то смещение на полсантиметра или сантиметр одной части лица от другой – и она вовсе и не красавица, а так, рядовая простушка.

– Вы извините меня, конечно, но я не предлагаю вам ничего дурного. Понимаю, провести несколько часов со мной, с чужим мужчиной, – это своего рода провокация, и я понимаю ваши опасения. Но, с другой стороны, если вы воспримете меня не как мужчину, а как художника, картины которого вы сможете потом увидеть в музее, на выставке... Что ж в этом плохого? Когда ваш портрет будет готов, вы сможете сделать фотографию или постер и повесите его у себя дома. И он останется у вас на всю жизнь! Многие известные женщины, политики, актрисы или просто красавицы запечатлены на полотнах известных художников. Возможно, и они перед тем, как начать позировать, испытывали определенные неудобства, сомнения и даже страхи. Но они преодолели это, и как результат – известные всему миру шедевры...

Я заливал как мог. Какие только аргументы я не приводил, чтобы успокоить ее, чтобы она расслабилась и доверилась мне. Я хорошо знаю женщин, их слабое место – это желание получать комплименты. Я просто засыпал ее ими по самую макушку. Да что там, я сам чуть было не поверил, что собираюсь писать ее портрет. Под конец своей густой и наполненной многими красивыми непонятностями и нелепостями речи я предложил ей выпить со мной чашку кофе в расположенном неподалеку от клиники кафе, объяснив ей этот жест как желание познакомиться поближе.

Выглядел я вполне себе прилично, говорил красиво, девушка согласилась.

Я заказал ей самый дорогой кофе, клин шоколадного торта и, расположившись напротив нее, сначала долго и восхищенно разглядывал ее, улыбался во весь рот. И правда, подумалось мне на мгновение, почему я, черт возьми, не художник? Как легко им заманивать в свои мужские сети доверчивых женщин!

Перейти на тему «а кто у нас муж?» оказалось делом простым. Я просто спросил, ревнивый ли у нее муж, позволит ли он ей позировать, причем в одежде, в лиловом складчатом шелковом балахоне (мне важно было пересыпать свою речь конкретными деталями). Я даже успел посетовать на то, что мне не всегда удаются живописные складки...

Через полчаса примерно я точно знал, что она действительно жена нейрохирурга Туманова, я раскрутил ее даже на название улицы, чтобы уж точно знать, что речь идет именно о том, кто меня интересует. Я долго крутился, прежде чем позволить себе спросить ее, не было ли у него до нее жены. Получилось не очень-то гладко, даже как-то коряво, но она это проглотила вместе с куском шоколадного торта. И не подавилась.

Глядя на ее шевелящиеся во время разговора сладкие жирные губы, я почувствовал определенное волнение! Разве мог я тогда предположить, что уже через сорок минут мы будем страстно целоваться в моей душевной городской квартире, в жаркой спальне на припеченных льющемся в незашторенное окно солнцем горячих простынях...

После душа мы пили на кухне холодный апельсиновый сок – больше в холодильнике ничего не было, кроме куска засохшего сыра. Вернувшись в кровать, она начала рассказывать.

А я, слушая ее, думал о том, куда еще, в какое сумасшедшее бесстыдство приведет меня мое желание оправдать ту, которую я желал больше всего на свете...

– Она была чокнутая. Представляешь, иметь такого мужа, как Туманов, и шляться по ночам к какому-то бродяге... Как сказал мне Осип, она влюбилась насмерть. Да-да. Вот так и сказал. Она носилась с этой своей любовью, как со смертельной болезнью, постоянно рассказывая о своих чувствах к этому парню... и кому? Своему собственному мужу! Ну не идиотка?

Ей так не шли все эти грубости и обвинительный тон. Словно она забыла, что сама только что изменила этому самому так называемому мужу, Туманову. Словно и не стонала в чужой квартире под шум улицы, ворвавшийся в мое распахнутое окно, и не стояла под душем, намыливаясь чужим мужским, крепко пахнущим ветивером мылом.

– Он подбирал ее, обессиленную ожиданием, где-то в городе, в каких-то кафешках или парках. Он жалел ее, пытался помочь ей избавиться от этого наваждения.

– А почему она его ждала, этого своего любовника? Разве они не встречались?

– Просто он часто куда-то уезжал. Путешественник или оператор, точно сказать не могу, да и надо мне все это? Туманов видел его, сказал, что красивый парень, что где-то даже понимает ее. Возможно, что и он ее любил, но не так, как она. Говорю же, у нее это было как болезнь. Она страдала невыносимо. Но это тоже не мои, как ты понимаешь, слова.

– И что было потом? – Я почему-то торопился узнать все и сразу. – Они развелись?

– Вообще-то нет, – замылась она. – Она просто исчезла.

Я изобразил на своем лице удивление. Внезапно моя смелая любовница положила мне ладонь на живот и, рассказывая подробности личной жизни своего сожителя, принялась как бы между прочим рисовать на нем пальцем иероглифы. Я закрыл глаза и едва сдерживался, чтобы не застонать от наслаждения.

– Он искал ее, караулил возле того дома, где жил тот парень, но ни парня, ни этой ненормальной так и не было. Я думаю, что они просто сбежали.

– Он заявлял в полицию? – спросил я, не открывая глаз.

– Да, конечно. Но потом, когда понял, что этим лишь еще больше осложнит ей жизнь, решил оставить ее в покое. Пусть уже живет как хочет!

– А если ее убили? Если она умерла? Или потеряла память? – Я драматизировал ситуацию, но продолжал разговаривать, как сомнамбула, проваливаясь в нежное тепло удовольствия.

– С чего бы ей умирать? Да жива она...

– А ты откуда знаешь?

– Осип как-то сказал мне, что вроде бы он встретил того парня, начал расспрашивать его, где Ольга, ну тот и сказал, что они вместе.

Я от неожиданности присвистнул, но свист был скорее похож все же на любовный стон. С ее слов получается, что Туманов придумал эту отговорку, чтобы прекратить поиски и не усложнять жизнь прежде всего себе! Интересно, а как бы я сам себя повел, окажись я на его месте? Со стороны легко, конечно, всех осуждать. Но всем же известно, что в случае пропажи жены подозрение падает прежде всего на мужа. А у Туманова карьера, своя жизнь. Он и так намучался со своей обезумевшей от любви женой. Может, просто махнул рукой, и все?

С другой стороны, если послушать Ольгу, то Туманов был не таким человеком. Уж если он великодушно мирился с любовной болезнью жены, жалел ее, то вряд ли он вот так взял и бросил ее поиски. Возможно, потихоньку нанял частного детектива, который ищет ее по сей день. А своей сожительнице соврал, чтобы не было лишних вопросов. Он же не дурак и должен понимать, что женщина, с которой он живет, не успокоится до тех пор, пока не поймет, что сердце ее мужчины свободно. И что он больше не страдает по своей жене, уже хотя бы потому, что она предпочла ему другого.

– Частного детектива, говоришь?

– Да ты не бойся, ко мне-то он точно детектива не приставит, он доверяет мне! – хохотнула она, заигрывая с моим животом. Видимо, подобные игры с мужским пахом были у нее в привычке.

– Ой ли? – Я легонько хлопнул ее по руке, представив вдруг, что, выходя из квартиры, мы наткнемся на ушлого проплаченного фотографа, который примется тотчас щелкать фотоаппаратом.

– Говорю же, мне он доверяет, – настаивала она на своем заблуждении.

– Будем надеяться. – Я поймал ее руку и поцеловал.

– Знаешь, я не удивлюсь, если узнаю, что он давно ее нашел и тайно от меня встречается с ней. Когда я об этом думаю, мне становится не по себе.

– Тогда надо бы запастись запасным аэродромом, – брякнул я, не подумав и уж никак не надеясь услышать об этой женщине всю правду!

– А ты думал, у меня его нет? Конечно, есть. Да вот ты хотя бы. – Она расхохоталась. – Ты же никакой не художник, я же понравилась тебе просто, вот и все! Вижу, живешь ты один, явно не женат, в квартире ни одной женской вещи.

– Ох, нет, я глубоко женат, просто эту квартиру мы с женой продаем. – Я, испугавшись назойливой дамочки, которая танком пыталась на всех парах въехать в мою жизнь, поспешил дать задний ход.

– Что, испугался? Не бойсь! Есть у меня один приятель, давно в жены зовет. Да я вот все раздумываю... Староват он для меня, еще старше Туманова будет, да и не так хорош в постели, как ты, к примеру...

Мысли мои путались. Я-то что делаю с этой, «второй» Ольгой в своей постели?

Ария царицы ночи, визитная карточка моего телефона, привела меня в чувства. Я вынырнул из любовной неги, сбросил с себя блаженное оцепенение, схватил телефон и тотчас услышал взволнованный голос Фимы. Он приказывал мне немедленно мчаться в его загородный дом. Уж не знаю, почему, но я решил, что Фиме требуется моя помощь. Иначе что еще могло случиться такого, что он не мог встретиться со мной на том же Арбате? Мысли мои летели, как ветер, выдувая из головы все то, что могло бы насторожить меня самого, обнажая собственные проблемы. Помочь другу – дело святое!

– Ты... это... извини, одевайся, у меня срочное дело.

Ольга Вторая отодвинулась от меня, с обиженным видом натягивая на плечи простыню.

– Что, вспомнил, что еще кого-то собирался нарисовать?

– Не нарисовать, а написать, – машинально поправил я ее так, как это сделал бы кто-нибудь из моих друзей – профессиональных художников.

Я готов был уже вытянуть ее из постели за руку и вытолкать на лестницу. Я, конечно, ужасный человек и знаю об этом. Быть может, к тому времени, как все это со мной случилось, я и начал про это забывать, но, когда был в браке, моя жена повторяла это каждый божий день. Как тут забудешь?

– Мой друг попал в беду, – произнес я неохотно, словно предавая тем самым Фиму и его неузнанный секрет. Просто хотелось быть хотя бы немного вежливым.

– Друг – это святое, – внезапно проговорила она, словно прочла мои мысли, быстро встала и начала одеваться.

Ну вот, хотя бы в этой области человеческих отношений у нее осталось что-то настоящее, подумалось мне, когда я вспомнил господина Туманова, находящегося в приятном неведении о том, с кем живет, точнее, на кого променял свою красавицу жену Ольгу Первую.

Вообще все было странно. Ведь разговаривая с Ольгой Первой, слушая ее, я был уверен, что Туманов любит ее. Иначе зачем было ему терпеть ее открытую измену и даже жалеть ее?! Что с ним случилось? Почему он вдруг решил связать свою жизнь с другой женщиной, да не просто связать, а сделать ее своей практически женой? Она была не любовница, а женщина,

которую он представил своим коллегам в клинике как свою жену. Конечно, всем было глубоко наплевать, официальный ли это союз или нет, всем и так было понятно, что они живут вместе. К тому же вторая жена Туманова открыто приходила в клинику и кормила его.

Из головы не шла ее фраза о том, что Ольга жива. Будь она более внимательной и дотошной, она бы узнала все подробности. Но она была такая, как есть. Обыкновенная беспринципная женщина, прилепившаяся к доктору Туманову в надежде стать его официальной женой и, самое печальное, не любившая его.

Мы вышли с ней вместе, я вызвал ей такси, посадил ее, сухо поцеловав в щеку и улыбнувшись улыбкой гремучей змеи. Она же ответила мне улыбкой анаконды. На том и расстались. Правда, я успел сунуть водителю деньги, не мог позволить себе поступить с ней уж слишком некрасиво.

Интересно, подумал я, усаживаясь в свою машину, она, вспоминая нашу встречу и разговоры, задаст себе вопрос, почему я так зацепился за тему исчезновения Ольги Первой? Скорее всего, нет. Сейчас поедет домой (интересно, с какого момента она стала воспринимать квартиру Туманова как свою?), сунет в посудомоечную машину пустые контейнеры из-под еды и завалится спать. И приснится ей девушка небесной красоты – ее вечная соперница, обнимающая в лучах заходящего солнца красивого белокурого парня.

Машину Кострова я увидел сразу – она стояла за воротами и плавилась на солнце. Стояла жара, солнце палило так, что сворачивались листья деревьев. Было не продохнуть.

Я вышел из машины, повернул ручку калитки и вошел на территорию загородного дома своего друга. Проходя мимо пышных кустов роз, я почувствовал их сладкий, богатый аромат. У меня тоже в саду растут розы, но они так сильно не пахнут. Надо бы спросить, что за сорт. Такие густые, красные и розовые, набитые лепестками соцветия, как пионы!

Фима встретил меня на крыльце. Понятное дело, увидел мою машину, услышал, как я подъезжаю. Здесь, в деревенской тишине, невозможно не услышать звук проезжающей машины.

– Давай заходи скорее!

К чему такая спешка? Что случилось?

– У тебя неприятности? – спросил я.

– У меня? Да нет, Марк, это у тебя неприятности! Давай заходи!

Я недоумевал. Какие еще у меня могут быть неприятности? Казалось, я сделал все, что мог, чтобы их у меня не было вообще. Порвал со своей семьей, обосновался в лесном доме, где спокойно занимался творчеством, писал свои сценарии и романы, а на мой счет время от времени капали деньги. У меня все было в полном порядке. Больше того, чтобы уж совсем не чувствовать себя эгоистом и свиньей по отношению к своим близким (вернее, теперь уже очень далеким мне родным людям, бывшей жене и сыну), я взял на себя ответственность за судьбу незнакомой мне девушки, попавшей в беду. И был горд этим. Но обо всем этом знал лишь я. Ведь, что самое главное в жизни? Жить в мире и гармонии с собой. Это я точно знал.

В доме работали мощные кондиционеры, было прохладно.

– Пить хочешь? – Фима, в широких льняных штанах серого цвета и белой батистовой рубашке навыпуск, достал из огромного холодильника запотевший прозрачный графин с водой, в котором плавали разбухшие дольки лимонов.

Я напился, мы сели друг против друга.

– Давай выкладывай все начистоту, – потребовал Фима, глядя на меня с недоверием. – Где ты был в ту ночь, когда убили доктора Селиванова?

– Да дома, где же еще?

– Никуда не уезжал?

– Да я вообще редко куда езжу. – Я не понимал, куда он клонит. – Что случилось? Ольга нашлась? Она виновата? Фима, что ты на меня так странно смотришь?!

– А как мне еще прикажешь на тебя смотреть, если ты мне врешь?!

Я оторопел. И когда это, интересно, я успел ему соврать?

– В деле появилось кое-что новое. Камерой наружного видеонаблюдения, установленной на перекрестке, где как раз поворот в вашу лесную республику, – в его голосе я уловил неприкрытую иронию, – была зафиксирована твоя машина! Твой «Мерседес», тот самый, который мы обмывали в прошлом году! Вот, любуйся! – И он положил передо мной отсканированный снимок моей машины с квадратом увеличенного изображения моего номера в правом углу. Там же были указаны дата и время – «22.38». Машина выезжала из леса и направлялась в сторону основной магистрали, ведущей в Москву. За рулем сидел мужчина в бейсболке. Вернее, его черный силуэт. Лица было не разглядеть.

– Но этого не может быть! – воскликнул я. – Моя машина была дома, в гараже!

– Но и это еще не все. Вот, – и Фима с видом фокусника-затейника положил рядом точно такой же листок, да только теперь моя машина заезжала в лес! И время было указано опасное – «23.25». Если вспомнить, что Ольга прибежала ко мне в половине первого ночи и сказала, что услышала звук выстрелов, по ее словам, примерно с час назад, то доктора и ту девушку, что оказалась рядом с ним, убили как раз в половине двенадцатого, и как раз тогда в лес заехал мой «Мерседес».

– Фима, я был дома, готов поклясться! – воскликнул я, расстроенный тем уже, что мне не верят. – Может, кто-то просто нацепил мои номера на свой «Мерседес»?

– Ты сам-то веришь в то, что говоришь? – Костров состроил страдальческую мину. – Это твоя машина, Марк.

– Получается, что кто-то взял мою машину, сначала выехал из леса, а потом почти с разницей в час вернулся обратно. Так, что ли?

– Ты не страдаешь провалами памяти? – спросил он на всякий случай, чем, однако, задел меня.

– С памятью у меня все в порядке, – продолжал обижаться я. – Повторяю: я никуда не выезжал.

– Так... понятно. А где ты взял свои ключи?

– Честно говоря, они были в машине.

– Понятно. Ты всегда их там оставляешь?

– Да нет... Я и сам удивился.

– Ясно. Теперь, Марк, слушай меня внимательно и не говори, что не слышал. Сейчас к тебе туда, в лес, выехали двое оперов и Ракитин. Они поехали за тобой. Это просто счастье, что ты сейчас не в лесу, честное слово!

Он нервничал. Возможно, волновался за меня, а может, и за себя, что поверил мне и априори занял мою сторону. Да и как тут не переживать, если я, человек, который сам обратился к нему за помощью в расследовании убийства, лжет, и его машина была замечена на лесной дороге, в нескольких десятках метров от места преступления? К тому же еще и в самое пиковое время!

– Давай вкатывай свою машину во двор, пойдем, я покажу тебе, как заехать в гараж. Он у меня на три машины.

– Постой, скажи, ты веришь мне или нет?

– Да верю, верю! – отмахнулся он от меня. – Поторопись.

– Да к чему такая спешка? Ты что, думаешь, что если они не найдут меня дома, то прикатят сюда? Это же полный бред!

Конечно, я поставил машину в гараж. Я отказывался что-либо понимать. Моя машина в лесу в момент убийства, выходит, была практически на месте преступления!

Фима даже двери запер после того, как мы вошли в дом.

– Вот скажи мне, если бы кто-нибудь, как ты говоришь, выехал из твоего гаража, ты бы услышал?

– Если в баре звучала музыка, то мог бы и не услышать, – размышлял я. – Да, вспомнил! Когда Ольга стучала в дверь, я не сразу ее услышал.

– Так, хорошо, уже кое-что. Теперь вспоминай, у кого могли быть запасные ключи от твоей машины?

– Точно не знаю, может, я свои дома оставил... Я имею в виду свою городскую квартиру.

– Ты должен проверить, на месте ли ключи или нет. Но и это даже не самое главное. Если ты не появишься в лесу до вечера, то это точно вызовет подозрение. А если прибавить к этому тот факт, что в твоём доме наследила Ольга, и ее отпечатки совпадут с теми, что были в доме у док-тора... Я даже не знаю, насколько бурная фантазия у Ракитина и что он придумает, чтобы все эти факты увязать!

– Ты хочешь, чтобы я рассказал ему всю правду? Об Ольге?

– Не знаю... Здесь нельзя спешить. Надо все хорошенько продумать. Теперь дальше.

Он вздохнул, достал из кармана штанов большой носовой платок и промокнул им свою лысеющую круглую голову.

– Я же был у твоей натурщицы.

– У Зои? Ты нашел ее?

– Да, нашел. Она позирует в художественном училище. Мне сказала соседка. И дала мне ее телефон. Я созвонился, встретился. Как ты понимаешь, она жива и здорова. И когда узнала от меня, что Селиванова убили, разрыдалась. Сказала, что была влюблена в него и даже проводила у него время от времени ночи.

– Получается, что они были вместе в присутствии Ольги... – Не знаю уж, почему, но у меня сразу отлегло от сердца. Значит, Селиванов с Ольгой не были любовниками. И Ольга действительно жила у него на правах сначала пациентки, а потом просто хорошей знакомой, подруги.

– Выходит, мы так и не знаем имени убитой девушки?

– Выходит, так.

– Так что мне делать? Может, поехать домой? Ну чтобы, как ты говоришь, не вызвать подозрения?

– Ну если тебе уже все равно, что станет с твоей Ольгой, тогда, конечно... – развел руками Фима.

– Что-то я уже совсем отказываюсь тебя понимать. Ты-то сам что предлагаешь?

– Ждать. Ждать звонка Ракитина. Возможно, уже в скором времени он сможет назвать мне имя погибшей девушки, и тогда у нас появится зацепка. Мы будем действовать уже в этом направлении. Думаю, что намеченной жертвой убийцы была все-таки она, а не доктор Селиванов. Он просто оказался свидетелем, поэтому его и убили. А твоя Ольга, в свою очередь, оказалась свидетельницей всей этой трагедии. И это ее счастье, что она вышла из дома позже. Выйди она пораньше, ты не сидел бы сейчас передо мной... И ее бы в твоей жизни просто не было. Предполагаю также, что девушку привезли в лес специально, чтобы убить, и человек этот выбрал это место, по его мнению, глухое и темное, чтобы никто не услышал выстрелов. Думаю, что убийца даже не предполагал, что в лесу живут люди. Вот как-то так.

– Да, я согласен, я тоже так думаю. Но мы же не можем вот просто так сидеть сложа руки. Нужно что-то делать, нужно искать Ольгу! Ясно, что она не поехала к мужу, слишком уж там все сложно. К тому же она могла знать о существовании Второй Ольги.

– Да? Что ж, вполне возможно. Если не она сама, то к Туманову мог наведаться по ее просьбе...

– Нет-нет, она не стала бы просить...

– Хорошо, Селиванов мог сделать это сам, по своей инициативе, чтобы хотя бы проверить, что она говорит правду. Я даже не исключаю, что это именно он рассказал ее мужу, что она жива и здорова и находится у него в лесу. Именно поэтому Туманов и отозвал свое заявление о пропаже жены. Успокоился. А после и связался со Второй Ольгой.

– Да, это очень даже похоже на правду. Жаль, что я не успел задать ей все эти вопросы тогда, когда она еще была у меня. Но куда, куда она могла уйти? К кому?

– Возможно, у нее есть родители или родственники, о которых нам пока ничего не известно. Но я работаю над этим вопросом. К примеру, я узнал ее девичью фамилию – Шорохова. В самое ближайшее время я узнаю о ней все, что только можно. Просто для этого нужно время.

Он лукавил, конечно. Если у него самого нет доступа к базе данных, то уж у всех тех, с кем ему приходится работать, этот доступ есть. Возможно, подумал я, он просто осторожничает, не хочет, чтобы об этом узнал Ракитин. Я не знал ничего о способах его работы, но мог предполагать, что он работает с определенным кругом лиц, которые, в свою очередь, могут быть связаны с Ракитиным.

– Ты хочешь сказать, что найти ее родственников сложно?

– Пока что никаких сведений у меня нет. Но, повторяю, я работаю над этим. Знаю лишь, что она по образованию филолог, работала в издательстве корректором какое-то время, пока не вышла замуж за Туманова. Потом была домохозяйкой.

Что ж, это уже кое-что. Значит, она филолог, корректор. Правда, я не мог представить ее скрупулезно работающей над текстами. Ее образ ассоциировался у меня исключительно с эльфовоподобным молодым парнем, в которого она была страстно влюблена. Я прямо видел ее обнимающейся с ним и ревновал страшно. Даже Туманова я не видел рядом с ней.

– Фима, а что, если она вернулась к Герману!!! – вдруг озарило меня.

– Этого я тоже не исключаю. Но мы же ничего о нем не знаем.

– Достаточно выяснить адрес у Туманова, он-то точно знает, где он жил или живет до сих пор.

– Ты полагаешь, что, излечившись от него за два года, проведенные у Селиванова, она снова отправится к нему? Но это же самоубийство!

– Ты хорошо знаешь женщин?

Фима вздохнул и развел руками.

– Вот и я тоже. Всегда считал, что моя жена ангел, а она оказалась просто свирепым зверем...

Фима посмотрел на меня, словно прикидывая, удобно ли задать мне вопрос о моей жене. Во всяком случае, я расценил его взгляд именно так.

– Хочешь спросить, почему мы развелись, разбежались, да так, что я вообще предпочел жить в лесу?

– Можешь не отвечать... – смутился Костров. – Не думаю, что эта информация имеет отношение к нашему делу.

– Да здесь никакого секрета нет. Мы жили с ней прекрасно, мне казалось, что годы брака даже укрепили наши отношения. Но мой сын... В его личной жизни случилась трагедия, ты же знаешь, и моей жене, Майе, показалось, что я, как ее муж и как отец Гриши, не смог ничего сделать для того, чтобы как-то помочь... Ты же помнишь эту историю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.